

Валентина
Муренкова

Исповедь расстриги

Как
воскреснуть
из мертвых

Портрет эпохи

Валентина Муренкова

**Исповедь расстриги. Как
воскреснуть из мертвых**

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Муренкова В. Н.

Исповедь расстриги. Как воскреснуть из мертвых /
В. Н. Муренкова — «Издательство АСТ», 2021 — (Портрет
эпохи)

ISBN 978-5-17-136268-3

В своей книге бывшая монахиня Валентина Муренкова рассказывает о перипетиях собственной судьбы. Молодая художница, вращаясь в богемных кругах начала 1990-х, на волне увлечения идеями Православной Церкви попадает практически в тоталитарную секту — в духовное окормление к священнику, который мечтал умереть за Христа и всех вокруг призывал к тому же. Проведя несколько лет в полном послушании духовнику, женщина постепенно освобождается от его власти, но попадает в иной духовный плен. Теперь уже епископ шантажирует ее скорой смертью, совершенными грехами, здоровьем и жизнью дочери, заставляя принять монашество: иначе не вымолить себе право на счастливое и спокойное существование. Стать монахиней — такое решение принимается раз и на всю жизнь, но, столкнувшись с откровенным лицемерием и ложью, В. Муренкова, проведя в монастыре семнадцать лет, находит в себе силы и смелость бежать и начать новую свободную жизнь. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-136268-3

© Муренкова В. Н., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Предисловие	7
Глава 1. Первые чудеса	9
Боевое крещение	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Валентина Николаевна Муренкова

Исповедь расстриги. Как воскреснуть из мертвых

© Муренкова В.Н., 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

«“Исповедь расстриги” Валентины Муренковой – поучительное и грозное свидетельство о жизни православных неофитов призыва 1990-х. Почему они, поверив в Бога и так истово и искренне начав жить церковной жизнью, спустя 20–30 лет почувствовали себя обманутыми? Как так получилось, что героиня этого автобиографического повествования, приняв постриг, однажды сожгла свою монашескую одежду, а вместе с ней и веру? Что не так с русской православной церковью сегодня? Отворачиваться от этих неудобных вопросов больше невозможно. Я очень рада, что Валентина Муренкова так бесстрашно начала этот разговор. Он необходим, чтобы выздороветь и двигаться дальше»

(Майя Кучерская).

Предисловие

Я буду врать, как очевидец, пытаясь рассказать мою личную историю, хотя она абсолютно правдива, если можно считать правдивыми воспоминания двадцати-тридцатилетней давности. Мне приходится полагаться на мою причудливую память и ворох учебных этюдов, набросков и зарисовок, ибо дневников я отродясь не вела, считая это занятие бессмысленным.

Хотя, возможно, я наберусь мужества и достану из-под маминой кровати старый чемодан с фотографиями, открою его и разберу сотни снимков, ведь на них есть даты и все плёнки разложены по годам. Но как бы мне не утонуть в том омуте памяти: такая мощная фото-машина времени может далеко меня занести. Уж лучше пусть там пока всё лежит, а я просто начну рассказывать с любого места, иначе лопну, потому что этот живой запутанный моток из проводов, цепочек, верёвок и ниточек моих историй теснится внутри меня, вопит, галдит, спорит и просится наружу, чтобы превратиться в эпизоды, литературных персонажей, сюжет, композицию и во что там ещё полагается.

Мой психотерапевт, прямо как у доктора Ватсона в сериале «Шерлок», тоже считает, что когда я запишу мою историю, то депрессии будет не за что во мне цепляться, и она уползёт, «слезя и стена», – в моей голове всё ещё много церковно-славянских выражений. Я надеюсь, что, оказавшись в этом тексте, они тоже покинут меня.

Я специально не привожу здесь местных топонимов, кроме столиц и названия улиц, чтобы вам было проще разобраться в происходящем. Всем известно, что улицы с именами революционеров и писателей до сих пор есть в любом российском городе, и пусть другие города думают, что моя история случилась именно в них, так всем гораздо интересней и никому не обидно.

И никаких фамилий! Я оставляю действующим лицам только имена, они самые часто встречающиеся – не хочу задевать ничьих чувств. Конечно, те из вас, кто знаком со мной лично, быстро догадаются, о ком и о чём идёт речь, но вы и так в курсе обстоятельств моей жизни. В любом случае, я хочу подстраховаться и заранее сообщаю, что все имена здесь вымышленные, а все совпадения случайны – так теперь принято выражаться, если не хочешь иметь проблем.

И вообще, это художественный текст, а я отважный лирический герой, и заранее убираю даже гипотетическую возможность подать на меня в суд за разглашение личной информации, что весьма существенно по нынешним временам.

* * *

За семнадцать лет моей церковной жизни я написала километры исповедей на листочках-бумажках, в специальных блокнотах и тетрадах. Перед постригом я даже накатала длинный свиток, оторвав метра три от рулона с перфорацией – такую бумагу всякие производства жертвовали монастырю для технических целей. Забавно, что теперь я продолжаю мотать километраж уже на экране компьютера – как всё меняется!

В исповеди положено сообщать только о своих грехах, стараясь никого больше не упоминать даже вскользь, чтобы не вводить духовника во искушение, особенно подробностями блудных деяний и прочими страстями и похотями, он ведь тоже живой человек. Но сейчас я собираюсь изменить этому правилу и добавлю сюда и страсти-мордасти, и действующих лиц. Пусть будет так! Хочу, понимаете ли, расширить аудиторию, а то раньше мои исповеди читали только ангелы, демоны и батюшка.

Представляю, как нелепо выглядит идея написать книгу о любви: о ней давно всё сказано. Однако я всё же рискну внести свою лепту и рассказать о причудливых и зачастую странных

её проявлениях. А ещё мне хочется объяснить, что чувствует женщина, когда попадает в такие необычные, дурацкие и порой трагические истории, ведь эта женщина – я!

Мне близка теория о родственных душах – мол, мы все заранее договорились пройти вместе уроки этой жизни и сыграть друг для друга особые ключевые роли, которые не всегда со знаком «плюс». Намного легче принимать жёсткий опыт взаимоотношений, не осуждать, а благодарить за него, если знаешь, что только самые родные и близкие соглашаются на такие взаимно чувствительные и болезненные процедуры.

Зато какое совместное и многогранное богатство мы приобретём в итоге! Оно пойдёт в копилку опыта всего человечества, когда мы полностью отработаем сценарий и эта пьеса закончится. Ура, занавес, пора снимать маски!

Итак, прежде чем долго рассказывать, как меня занесло из богемной тусовки в монашество, а потом из монастыря в творческие расстриги, прямо как хоббита Бильбо туда и обратно – короткая предыстория.

Глава 1. Первые чудеса

Летом 1991 года я одновременно закончила художественное училище и развелась с мужем, потом случился тот самый исторический август с путчем ГКЧП, а следом за этим событием настало 1 сентября, и моя дочь пошла в школу с бантами, в белом фартучке и с букетом астр. Иногда очень забавно соблюдать ритуалы в точности, я сама в таком же виде ровно за двадцать лет до этого дня отправилась в ту же самую среднюю школу № 1.

Надо объяснить, что тогда я жила в центре России на два города, и мне даже в голову не приходило, что через четверть века я на законном основании получу европейский паспорт вместе с возможностью безвизовых путешествий. Но в то время приходилось довольствоваться еженедельными поездками за сто двадцать километров между областным центром, где я училась в художественном училище, и промышленным городом, где я выросла и окончила школу и где в то время жила моя семья.

Вдобавок в мои постоянные маршруты входило практически ежемесячное посещение обеих столиц с культурными целями, но я с детства мечтала о дальних странах, как в любимом «Клубе кинопутешественников», поэтому редкие поездки к морю и на Урал к родным никак не утоляли мою жажду странствий.

И еще тем же летом я стала владелицей крошечной недвижимости в самом центре миллионного города, где я училась, – комнатки и коридорчика с отдельным входом в старом доме на улице Герцена рядом с Никольской церковью. Упомянутая недвижимость служила мне мастерской и жильём одновременно, и я уже провела там два очень насыщенных года.

Этот столетний дом выглядел на все двести: штукатурка потрескалась, побелка облупилась, над облезлым кирпичным первым этажом криво возвышался деревянный второй. Когда-то ухоженный, а нынче довольно жалкий, с крышей набекрень, дом стоял на склоне под горкой. Если с улицы пройти в заросший двор и завернуть за угол, то ко мне на второй этаж можно было подняться прямо с утопанной земли через три косых ступеньки.

Из всех удобств там имелось только электричество, за водой я ходила с ведром к колонке ниже по улице, а в давно не чищенный деревянный туалет приходилось бегать во двор, стараясь дышать там пореже.

В малюсеньком коридорчике умещался ручной умывальник-гвоздик над раковиной у входной двери, ведро с водой ставилось на табурет, и ржавая электроплитка-кормилица жила на тумбочке. Дальше двустворчатая дверь, когда-то белая, вела в квадратную комнату, правый её угол срезала обшарпанная белёная печь с заслонками, над головой нависал довольно низкий растрескавшийся потолок с двумя кривыми-косыми балками, а посередине болталась голая лампочка на скрученном проводе в помпезном круге для люстры, забитом столетними слоями побелки. Завершали дизайн интерьера старые бумажные обои из остатков рулонов, их когда-то наклеили на стены весьма авангардно и полосато – все полосы четырёх разных цветов и фактур.

Два маленьких чуть закруглённых окошка мастерской смотрели прямёхонько на наш будущий дом под Воскресенским храмом, который ржавым силуэтом доминировал на соседнем бугре, сам храм во время войны остался без колокольни, а после войны был обезглавлен и превращён в склад.

И в том нашем доме, тоже столетнем, только из красного кирпича, мы потом будем жить двадцать шесть лет, но тогда я об этом, понятно, не знала и преспокойно ходила мимо него почти каждый день, забираясь и спускаясь по крутой лестнице к себе на улицу Герцена.

Сначала мы с друзьями вроде бы договорились снимать мастерскую вскладчину, но все мои компаньоны были местными и жили с родителями по домам, лишь я одна обитала в мастерской постоянно и выезжала только по выходным к семье в соседний город, ну и в Питер с Москвой два-три раза в семестр на выставки и концерты. И если уж я называлась ответственным

квартиросъёмщиком, то вскоре бóльшая часть расходов легла на меня, и часто всю стипендию – а это кровных тридцать рублей в месяц, ого-го! – я отдавала хозяйке за квартиру сама.

* * *

Жили мы весело, толпы гостей посещали нас почти каждый день, порой они ночевали на полу, как кильки в банке. Я всегда удивлялась, сколько же мальчиков и девочек можно уложить спать на свободной поверхности пола, расстелив два одеяла, особенно если некоторым из них ноги под стол засунуть или самим туда закатиться? Ответ – много!

Традиционно-богемный образ нашего жития-бытия предполагал разнообразные тусовки художников, музыкантов, поэтов, актёров, архитекторов и прочих творческих личностей, тогда ещё плюс-минус студентов, и некоторые из самых одарённых умудрялись пока ещё учиться в технических вузах.

Алкоголь присутствовал у нас весьма эпизодически, в то время он продавался строго по талонам, а скудное питание состояло большей частью из макаронных изделий. Однако полуголодный образ жизни, как говорится, «впроголодь и впропоть», совсем не мешал моим друзьям почти непрерывно музицировать, и не только на инструментах, к тому предназначенных, но и на чём придётся. Например, очень выразительно звучала двуручная пила, на половинку лыжи отлично натянулись струны, и консервная банка от селёдки тоже стала уникальным струнным инструментом, а сложные ритмы энергично отбивали различные стучалки-бренчалки из вилок, ложек, расчесок и тому подобных приспособлений.

Жизнь на грани двух эпох – время непростое, но весёлое, дерзкое и многообещающее, и в нашем кругу, как на подбор, вращались невероятно талантливые и яркие люди, поэтому никто не сомневался, что впереди нас дожидается светлое будущее, и самые радужные перспективы уже призывно маячили вдали.

Издыхающая советская власть тогда только забавляла, военные действия ужасали, мировое искусство и всяческая мистика вдохновляли, а сессии ритмично налетали штормовыми волнами, захлестывали диким напором и откатывались с разным количеством потерь, но со стопудовым поводом отметить.

Понятно, что на личном уровне у каждого из нас хватало проблем, переживаний, трагедий, безумных увлечений и разочарований, так что постепенно отношения у отдельных парочек усложнялись и запутывались донельзя, превращаясь в любовные многоугольники. Я, к примеру, вообще сбежала от мужа и погрузилась с головой в учёбу со всеми сопутствующими студенческими приключениями, мне позарез требовалось как-то восстановить себя после короткой, но жёсткой семейной жизни, наполненной пьянством мужа, не справляющегося со своими талантами, и моими саморазрушительными истериками.

Зато когда мы с друзьями собирались вместе, то воздух искрил, весёлая звенящая сила наполняла нас и возникало ощущение особой творческой избранности, оно легко перекрывало все мелкие проблемы.

И вот мы, такие прекрасные и вдохновенные, живём себе в мастерской на двенадцати квадратных метрах, нам хватает и других уютных закутков, хотя чтобы попасть в кафе, надо отстоять в очереди, а рестораны для нас – как другая планета, но в большом городе всегда есть где погулять зимой и летом.

В тёплое время все окрестности мастерской наши, мы устраиваем пикники в заброшках, на руинах, в зарослях вдоль водохранилища и выше на буграх, в дождь и в холод нам тоже есть чем заняться в мастерской. Стремительно проносится время моей учёбы, оно очень плотно насыщено удивительными событиями, о которых я уже написала отдельный текст, но здесь расскажу только о нескольких эпизодах, которые значительно повлияли на мою дальнейшую жизнь.

* * *

Однако сначала позвольте вам представить соучастников этих событий – в нашей весёлой компании причудливо перемешались мои однокурсники и те, с кем я училась в разное время, случайные знакомые, с которыми мы оказывались рядом в разных обстоятельствах, друзья друзей, чьи-то братья, сёстры, мужья, жёны, как бывшие, так и актуальные. Итого, человек десять из ближнего круга и человек тридцать, сорок или пятьдесят, уходящих в бесконечность.

Тогда ещё не существовало нынешнего понятия социальных сетей, но сами сети были и очень даже разветвлённые, только без гаджетов. А ещё мы как-то умудрялись находить друг друга без мобильных – встречались, пересекались, звонили из телефонных автоматов, писали записки и забивали стрелки в заранее условленных местах.

Так в моём ближнем кругу оказались художник Юрка, с которым мы давно общались, и его подружка скрипачка Ирка. У них обоих во внешности проглядывало что-то цыганское: тёмные глаза и волосы, но у Ирки мелко выющаяся грива доставала до пояса, и стройные ноги росли, похоже от ушей, а Юрка отпустил себе смоляную курчавую бороду и очень походил на кумира эпохи киношного Будулая.

В тот же внутренний круг друзей входила Оля, очень похожая на юную Ахматову, только с короткой стрижкой, у неё тоже был маленький сын и сложные отношения с мужем, вдобавок она как-то умудрялась работать и заочно учиться в Академии художеств.

Каждый день в мастерской появлялись музыкально одарённые студенты технических вузов Клим, Андрей и Антошка из архитектурного, с ним вместе учились Надья и Катя, а Саша, который во многом нас объединил, грыз гранит науки в педагогическом.

Апрель 1989 года накрыл наш город самым синим небом и нежнейшей погодой, и мы расставались иногда и ненадолго только за тем, чтобы хоть немного учиться и при первой же возможности собирались вновь и вновь. Однажды ночью после очередной вечеринки с песнями и символическим алкоголем – одной бутылки вина на всю толпу – мы в первый раз пошли на ночную прогулку по окрестным зарослям, благоухающим первой листвой, напились воды у святого источника, бьющего под горой, и забрели в заброшенную Успенскую церковь на берегу.

Внушительный пятикупольный храм семнадцатого века, на клиросе которого, говорят, пел сам Пётр Первый, стоял без окон и дверей на диком пляже у самой воды. Народ использовал его как раздевалку и туалет, во время паводка вода поднималась там до колена, увеличивая разрушения.

Среди нас не было осознанно церковных людей, их тогда вообще встречались единицы, но жалкое состояние храма показалось нам каким-то убийственным. И мы стали приходить туда почти еженощно, зажигать и оставлять в алтаре обычные хозяйственные свечи. Думали, типа, зайдёт туда человек справить нужду, снимет штаны и увидит, что свечи горят, и станет ему как-то неловко, всё же церковь, а не сортир.

Так зародился наш ночной ритуал: из мастерской мы пробирались знакомой тропинкой сквозь заросли, входили в церковь и там зажигали свечи, заслоняя их от ветра и сквозняков. В чёрном гулком пространстве таинственно синели оконные проёмы и жутковато металась наша тень – порождения свечек и фонариков. По неровному земляному полу, заваленному мусором и битым стеклом, мы осторожно добирались до алтаря. Размером с комнату и невысокий, он казался уютным, хоть там царил всё то же запустение, как и везде.

За века храм основательно врос в землю, и его окна оказались с ней вровень, алтарное окно читалось только снаружи, вся внешняя стена алтаря изнутри была заложена современным красным кирпичом, кладка грубая, с корявыми комьями раствора. Обычно мы стояли там минут пять, болтали, смеялись, оставляли свои свечи прямо на обломках кирпичей и уходили, подсвечивая себе под ноги фонариками.

И вот перед самой Пасхой я проснулась утром под колокольный звон городских церквей, и последняя картинка ускользающего сна цепко ухватилась за моё сознание – я отчётливо увидела грубую кладку алтарной стены, и на ней огромный лик Христа, метра два в высоту, написанный прямо на кирпиче, и вокруг в темноте пляшут тени от костра. Мне и раньше снились особенные сны, они и сейчас иногда посещают меня, их можно считать творческим прозрением, но тогда мои сны часто имели пророческий характер, так или иначе предвосхищая будущее, и я считала, что лучше следовать за такими подсказками.

Поэтому, когда я окончательно проснулась, то больше не могла ни о чём другом думать, мне пришлось достать все свои краски и устроить ревизию – масляных ой как мало! Они тогда очень ценились и в свободной продаже отсутствовали напрочь, только в столичных художественных магазинах можно было купить необходимые цвета, и то, если очень повезёт. Но у меня имелось много эскизной гуаши в больших банках, и я придумала, что подмешаю в гуашь клей ПВА, тоже дефицитный и драгоценный, тогда обычная гуашь ляжет на кирпич, как миленькая. Осталось подбить народ составить мне компанию.

* * *

Народ подбился быстро и с удовольствием, мы договорились, что пойдем в Успенку чуть раньше полуночи, приготовим всё для костра, а когда наверху зазвонят колокола, я начну писать тот самый образ, который мне явился во сне. Наши музыканты в это время будут играть, петь и поддерживать огонь, чтобы я хоть что-то смогла увидеть в темноте, ведь свечек для этого явно недостаточно.

Мы решили, что таким образом справедливость восторжествует, и пока у них там наверху праздник, толпы народа, церкви украшены, всё сияет огнями, то и в заброшенном храме на берегу тоже состоится пасхальная служба, но по нашему уставу.

Вечером накануне Пасхи мы втроём или вчетвером ещё засветло пошли прогуляться и купить еды, моя Алька сидела у Юрки на загривке, вертелась, хихикала, дёргала его за уши и болтала ногами в сандаликах, и на её макушке подпрыгивал большой красный бант, как у Мартышки из мультика про 38 попугаев.

Помню, как перед выходом меня слегка знобило от волнения, я нервничала, как накануне экзамена, удастся ли мне справиться и что получится в итоге? Краски и кисти я приготовила ещё днём, и часам к десяти вечера все наши собрались в мастерской, а в одиннадцать мы двинулись к Успенке, прихватив с собой еду, чай в термосе, дрова для костра и подстилки.

Многие подробности той пасхальной ночи тоже стёрлись из памяти, но вот что осталось яркой картинкой – стена, грубый кирпич, сполохи костра, мне очень мешает моя тень, она закрывает свет. Мы зажгли свечи справа и слева, но их мало, очень мало!

Внизу на земле стеклянные банки с гуашью, я лихорадочно мешаю краски в большой фарфоровой тарелке, они тут же впитываются в кирпич, я не вижу результата и почти в отчаянии, дым от костра и сигарет щиплет глаза, в ушах звенят гитары, флейты, Иркина скрипка и колокола.

Время, как тот мифический змей, ухватило себя зубами за хвост и закольцевалось. Ночь кажется бесконечной, но часы это опровергают, утро неумолимо и стремительно приближается, а я почему-то твёрдо знаю, что должна успеть закончить работу до того момента, как взойдёт солнце.

Пока я работаю без оглядки, за моей спиной всё время что-то происходит – там поют и играют, едят и болтают, приходят и уходят десятки людей. Весть о нашей затее разнеслась широко, мне потом кто только не рассказывал, что был с нами в ту ночь. Алька спала в храме где-то у костра до самого утра, её обожаемый Юрка возился с ней и взял все хлопоты на себя.

И вот в провалах окон справа зарозовело небо, а я сделала, что могла – на алтарной стене примерно три на три метра я написала двухметровый в высоту лик Христа, он хорошо просматривался даже от противоположного входа под колокольной, достаточно было одной свечи или неяркого света из окон купольной части храма.

Мы собрали все вещи, затушили костер, вышли на берег и встретили солнце, потом повернули к источнику, чтобы умыться прежде, чем усталость нас победит.

* * *

После той Пасхи прошло несколько месяцев, за это время мы все как-то сдали сессию и разъехались на каникулы. В середине лета я сильно соскучилась по друзьям, придумала уважительную причину и вырвалась из дома на пару дней.

Приехала, нашла своих, кому-то я позвонила, кто-то сам примчался, и мы пошли гулять по окрестностям. Ноги привычно вынесли нас на берег к Успенской церкви, и тут наступил шок!

Обычно безлюдное пространство вокруг храма, поросшее редкими кустами и деревьями, вдруг в будний день оказалось полно одетого народа, и это никак не пляжники в поисках раздевалки и туалета – по разбитой дороге, обходя лужи, идут и идут люди, их много, как на демонстрации.

Мы заходим в церковь, а там целая толпа, все стоят на коленях, поют, молятся, и сотни тоненьких свечек горят на земле, на обломках кирпичей и в консервных банках с песком. Неожиданный сладкий аромат горячего церковного воска перебивает привычные запахи плесени, гнили и отсыревшей штукатурки.

Но самое удивительное мне расскажет одна старушка – оказывается, мой образ кто-то пытался смыть со стены! После затяжных дождей в храме поднялась вода, кое-где и сейчас блестели лужи, но до конца стереть гуашь на клею не получилось, и неясный лик Христа всё ещё смутно виднелся на кирпичной кладке в алтаре. Вот перед ним-то и молились люди, стоя на коленях, кто-то один читал по тетрадке, остальные подпевали, их было человек двести, не меньше.

Я застыла у входа, поражённая этим зрелищем, а наши сказали мне, что здесь теперь такое часто бывает, мол, смотри сама, что ты тут натворила. Меня пробило на нервный смех, и воинственные бабушки изгнали нас из храма чуть ли не взащей, мол, идите отсюда, антихристово племя, стоят тут, гогочут, нехристи, ироды безбожные, а ну вон отселева!

Мы подчинились и вышли, угорая от нелепости и комизма ситуации, я в изнеможении плюхнулась на сырой корявый пенёк где-то рядом, задыхаясь от хохота и пытаясь успокоиться, и вот тут ко мне подошла крошечная старушка. Она жарко и вдохновенно поведала о чуде явления в храме нерукотворного образа – ага-ага, вот они эти самые руки, за дурную голову держатся! – и сколько здесь народу молится и исцеляется от всех болезней, особенно, если потом пойти и в святом источнике искупаться, ведь там на Пасху в полночь сам Господь людям явился, и многие из них исцелились, и ты, деточка, помолись, покайся и тоже исцелишься. Ой, мама!..

Да, ещё она сказала, что много всяких попов сюда приезжало на этот образ смотреть, и никто не знает, откуда он взялся, а потом какие-то бесноватые пытались его стереть, чтобы люди Богу не молились. Но Бог опять сотворил чудо, и теперь лик Христа видят только достойные! Как только человек хорошо здесь помолится, в грехах покается, то сразу его увидит, вот прямо как живого, и тут же исцелится! И сегодня многие люди видели, и она его видит, да-да!

И вот что тут скажешь?!

* * *

Следующий эпизод этой истории случился уже зимой, к тому времени я с друзьями переехала в ту самую мастерскую, которая была описана вначале и впоследствии она стала моей первой недвижимостью.

Осень промчалась в бурных событиях, я училась на третьем курсе, и чтобы всё успевать вовремя, приходилось рисовать день и ночь, но мне удалось пару раз с большими приключениями съездить в Москву и в Питер на концерты и выставки.

Потом настал холодный и морозный декабрь, однако снег так и не выпал. Я теперь бегала в училище издалека, и мне требовалось минут двадцать на дорогу туда, а потом полчаса обратно, потому что приходилось забираться вверх на крутой склон.

Наша новая мастерская на улице Герцена располагалась рядом с Никольской церковью, построенной на вершине высокого холма. Когда я по утрам спешила в училище, то сначала немного поднималась вверх до церкви, а потом, тормозя ботинками, бегом спускалась по улице Декабристов, она причудливой дугой уходила вниз под гору и там почти упиралась в нашу Успенку.

Странное дело, но ещё с весны я ощущала Успенскую церковь всю целиком продолжением своего тела. Это трудно объяснить словами, но у меня внутри будто бы открылось тёмное пространство храма, и между ним и мной не проходило никакой границы. И ещё наше с храмом общее причудливое тело ощущало нездоровье и надвигающуюся угрозу.

А люди по-прежнему продолжали приходить в заброшенную церковь на берегу, свято веря в чудеса, но мы теперь чувствовали себя там как-то неловко.

Во-первых, надо признать, что мы их невольно обманули.

Во-вторых, меня преследовало какое-то мутное чувство, его трудно сформулировать – вот вроде бы ты чего-то добиваешься, и у тебя получается, но потом оно начинает жить своей жизнью и больше тебе не принадлежит. Казалось бы, всё хорошо, цель достигнута, но при этом твои авторские права и право собственности грубо нарушены. Хотя изначально тебе тут вообще ничего не принадлежало, полезно помнить сей факт и не бороться.

Вот и с детьми потом так же.

Новый 1990 год пришёл без снега, я съездила на праздник домой, но буквально на следующий же день вернулась, чтобы готовиться к просмотру. По недоброй традиции сессия тогда начиналась в первых числах января.

Не помню точно, в какой из этих дней меня накрыло очередное видение, и оно захватило так, что не выдохнуть! У меня до сих пор ощущение, что всё тогда случилось наяву. В моей нынешней жизни психотерапевты всякий раз напрягаются, когда я сообщаю им, что иногда вижу особенные сны, которые затрудняюсь отличить от реальности.

А в то серое январское утро меня трясло от холода так, что зубы стучали, и от этого озноба я проснулась у себя на диване в мастерской на улице Герцена. Накануне вечером я продрогла на сильном ветру и, наверное, простыла, а может, подцепила грипп, не знаю, но я еле-еле приплелась из училища, заварила чай и свалилась без сил.

Так вот, я лежу одетая под одеялом, трясусь, глаза вроде бы закрыты, но при этом я вижу, как над городом с северо-востока скачет огромный всадник, величиной примерно как знаменитый Медный в Питере.

Он всё ближе и ближе, копыта коня громыхают уже по соседним крышам, и тут всадник размахивается и пронзает меня прямо в сердце своим страшным чёрным копьём!

Боль дикая, но я не умираю, а вижу Успенскую церковь и понимаю, что именно мне надо там сделать – рождественской ночью я напишу новый образ так, чтобы лик Христа уже никто не смог стереть с алтарной стены!

Морозный воздух той рождественской ночи уже дышит мне в лицо, и я отчётливо вижу, что к полуночи все наши пойдут со мной, как на Пасху, чтобы играть, петь и поддерживать огонь. А потом Юрка замкнёт весь храм снаружи красным кругом по белому снегу.

Пригвождённая болью и ужасом, я мучительно соображаю, что это было? И как можно сделать тот круг в реальности? Но потихоньку моё дыхание восстанавливается, и вскоре я даже встаю с дивана, хотя от удара копья навывлет в груди всё ещё ледяной сквозняк, он свищет из жуткой чёрной дыры, и боль в сердце долго не позволяет мне вздохнуть глубоко.

На вечерней сходке, когда я объявлю нашим очередное мистическое «задание», они даже не удивятся.

* * *

В ночь перед Рождеством нас собралось семеро.

Настроение подавленное, все усталые, никакого бодрого воодушевления, какое царило у нас перед Пасхой, нет и в помине, у каждого ворох своих проблем. Оля уехала в Питер сдавать сессию, её нет с нами, а мы с Ирккой обе нездоровы.

Меня по-прежнему дико знобит без температуры, могильным холодом сковывая всё тело и сжимая сердце, ни вздохнуть, ни выдохнуть! У Ирки мрачный токсикоз, и она уже приняла решение о прерывании их отношений с Юркой и не только. Ирка очень устала, она считает, что за три года у них всё полностью исчерпано. И только Юрка пока на что-то надеется.

А ещё у Ирки сильно болеет мама, и скоро рак возьмёт своё.

Гнетущее настроение усугубляет погода. Три дня над городом висят низкие свинцовые тучи, крепкий мороз сковал пыль на дорогах, но снег так и не выпал, земля чёрная, а в моём видении красный круг должен лечь на белый снег, замыкая храм внутри.

Юрка придумал взять прочный пакет, сделать в одном уголке много мелких дырочек, залить туда жидкую краску и обойти с ним вокруг храма, слегка надавливая на пакет, чтобы краска лучше разбрызгивалась.

По идее, должно получиться, но снега всё ещё нет.

Молча, как на похоронах, мы собираемся, одеваемся потеплее, берём с собой краски, кисти, еду, бутылку водки, чтобы не околеть на морозе, подстилки, а дрова ребята нарубят на месте.

Гуськом выходим из дома, мы с Ирккой впереди, за нами Клим, Андрей, Антошка и, по моему, Саша, сзади Юрка, он замыкает шествие. В полном молчании мы быстро движемся по безлюдным улицам под тусклыми фонарями, спускаемся к берегу и ныряем в непроглядную тьму. Когда мы подходим к храму, начинает медленно падать снег.

Эта ночь запомнилась мне как очень длинная и очень холодная.

Опять стена, опять кирпич, опять темно, сильно мёрзнут руки, пляшут тени, и огонь гудит за моей спиной. Других звуков я не помню, и не могу сказать уверенно, играли наши хоть сколько-нибудь или нет, и долетал ли до нас колокольный звон?

В памяти живут почти телесные ощущения – гулкая тишина храма, иногда негромкие разговоры, треск сырых дров в костре, движение ветра в оконных проёмах и залетающие в них снежинки. Наверное, я часто отдыхала, потому что в глазах стоят освещённые оранжевым светом фигуры наших, сонно сидящих у костра, Ирка кутается в огромную шаль, водка обжигает мне горло, но хоть как-то унимает озноб.

* * *

Да, я всё успела сделать за ночь и прописала лик Христа по прежним очертаниям, но теперь я использовала жидко разведённые масляные краски, они впитались в кирпич, и стереть их стало невозможно.

И ещё я поняла, что не случайно у меня ломало все кости в теле, не имеющем границ с храмом – на днях там случился мощный обвал, рухнули кирпичи из треснувшего свода алтарной апсиды, внизу на земле валялись огромные куски кладки, и торчала вверх слетевшая со стены ржавая металлическая конструкция, похожая на лестницу с перекладинами.

На этих корявых железяках мы под утро развесили множество белых бумажных ангелов на ниточках, погасили костёр и вышли из храма.

Дальше оставалось выполнить последнюю часть «задания», Юрка уже всё приготовил и двинулся вокруг церкви, наклоняясь с пакетом к земле, но в темноте невозможно было разглядеть, что там у него получалось. За ночь снег лёг на землю совсем тонким слоем, однако она стала белой, и на неё ложился красный круг.

Мы молча стояли и ждали.

И вот Юрка появился из-за угла, быстро двигаясь спиной вперёд, он дожимал на снег остатки краски в пакете, и совсем не видел, что ему осталось пять метров, три метра, метр!.. И тут кто-то из ребят схватил его и в последний момент успел выдернуть наружу, уффф!

Круг замкнулся.

Я до сих пор не знаю, что означали наши действия, но тогда эти символы наполняли каждого из нас множеством смыслов. Все участники того рождественского перформанса до сих пор живы.

Кроме нерождённого младенца.

А я свернулась в коконе одеяла и спала долго-долго в милосердной темноте, и когда проснулась, то потихоньку стала оживать.

* * *

Ещё одно событие, намекающее на мою дальнейшую судьбу, произошло летом 1990 года.

Когда я сдала просмотр, и все наши тоже как-то отстрелялись и выдохнули, то мы поехали отмечать окончание всех сессий за город в легендарное место дивной красоты. Там в широкой долине синими змеями вьются и сливаются вместе две реки, на склонах меловых гор, как пальцы в небо, торчат белые острые скалы, и все дороги и тропинки, избегающие по зелёным холмам, тоже белые!

Издревле в этих местах селились монахи-отшельники, и за много веков они вырубili в отдельно стоящих скалах колокольни и арки, а в толще горы выкопали пещерные храмы, кельи и подземные тоннели на десятки километров. Однако, если верить многочисленным легендам, то и на сотни километров – я много раз слышала от знающих людей про тайный подземный ход, идущий от Москвы до Киева и дальше до Почаева.

Все му монастырскому комплексу сильно досталось во время войны, в тех пещерах прятались партизаны, их взрывали то немцы, то свои. А потом вдоль реки под холмами проложили железную дорогу, и теперь вибрацию от тяжелых грузовых составов можно почувствовать за сотни метров, находясь на вершине плоскогорья. После этого пещерные храмы стали разрушаться ещё быстрее, но зато туда можно запросто доехать на электричке.

Вообще-то, вся та территория считалась заповедником, и в ковыльной степи на меловом плоскогорье археологи давно вели раскопки скифских курганов, они же присвоили себе

исключительное право выгонять с территории всех желающих не просто полюбоваться здешними красотами, а поставить палатки и разбить лагерь.

Позапрошлым летом мы в первый раз приехали туда с другой компанией, в которой тоже была наша Олька, тогда и археологи буквально выперли нас в степь посреди ночи чуть ли не за пару километров от монастырского комплекса!

В то время меловые пещеры и храмы ещё оставались открытыми, и за долгие годы массового туризма все доступные поверхности монастырского комплекса оказались изрезаны и исписаны тысячами автографов.

В нашу первую поездку за несколько дней мы исследовали территорию заповедника вдоль и поперёк, залезали в пещеры и забирались на скалы, всё светлое время занимались съёмкой и этюдами везде, где только могли. Но каждый вечер нам приходилось находить новое место для стоянки, и каждое утро сворачивать лагерь, перетаскивая всё снаряжение туда-сюда из-за происков злобных и неусыпно бдящих археологов.

Наученные прошлым горьким опытом и отправляясь туда же, но уже в другом составе, мы взяли с собой только одеяла и еду, приехали поздно вечером в темноте, чтобы археологи – ругательное слово! – нас не засекли. Воду в канистры мы набрали из колонки ещё на станции и тихонько поднялись по белой тропинке вверх по склону.

Храм под скалой оказался закрыт металлической дверью и заперт на огромный висячий замок, во все оконные и дверные проёмы кто-то вставил грубые решётки из железной арматуры. Облом-ссс!..

Какое счастье, что мы с Олькой в позапрошлом году имели возможность изучить местность, поэтому уверенно повели всех выше по склону. Там находился ещё один вход в трапезную и кельи, соединённые с храмом винтовой лестницей в толще мела, но и этот вход тоже успели заделать решёткой.

Однако на высоте примерно трёх метров оставался открытым незаметный снизу довольно широкий дымоход, вырубленный из кельи наружу, наверное, для печной трубы. Друг за другом мы карабкались по осыпающемуся склону и протискивались в неровное отверстие дымохода, сначала влезли ребята с фонариками, потом они снизу принимали нас, гитары и Ирку со скрипкой.

* * *

Живой огонь и живой звук будто оживили древний храм, и в ту ночь наши музыканты сыграли свой самый потрясающий концерт! Мел очень мягко и нежно отражает звуки, а своды наполняют их удивительной силой.

Уж поверьте, я знаю, о чём говорю, и позволю себе забежать вперёд – через семь лет Юрка окажется здесь настоятелем монастыря и начнёт поднимать его из руин с горсткой братьев, а мы с Алькой каждый год в праздник Успения будем петь литургию на том самом клиросе, где я позапрошлым летом обнаженная позировала для Олькиного мужа во время нашей совместной поездки на этюды и съёмки. Он тогда затеял серию фотографий со свечами, затейливо расставил их на полу и раскатал волнами широкие ленты золотой плёнки, на которых сидела я, голая и злая, стуча зубами от холода и ругаясь на всю эту творческую придурь насчёт того, что в кадре нужна блондинка, мол, на самом деле он жену пожалел, а я тут мёрзни из любви к искусству, как ненормальная!

Знала бы тогда, какой жгучий стыд потом накроет меня на исповеди, когда придётся рассказывать про наши храмовые съёмки – вмиг бы согрелась!

Эти яркие картинки при свечах под меловыми сводами наплывают в памяти одна на другую. И вот уже Юрка с седеющими волосами, заплетёнными в толстую косу, и с бородой до пояса в праздничном голубом облачении выносит чашу из пещерного алтаря:

– Со страхом Божиим и верою приступите!

А мы с Алькой, допевая, склоняем головы:

– Благословен Грядый во имя Господне, Бог Господь и явился нам!

Даааа... Умеем мы с Юркой круги замыкать!

Однако монашеские обеты Юрка и я дадим не здесь и не скоро. А пока наш с ним сладостный удел всю ночь слушать уже потерянную для него Ирку, её самую певучую в мире скрипку, Клима, Антошку, Андрея с их гитарами и флейтой!

На рассвете мы выберемся наружу через тот же дымоход, все белые от волос до обуви, и будем шумно отряхивать мел с одежды и отовсюду. А когда над горизонтом покажется нежно-розовый диск солнца, мы поднимемся на ароматное плоскогорье, в ковыльной степи расстелем наши одеяла и завалимся спать.

И никакие археологи нам не указ!

* * *

Известно, что жизнь похожа на тельняшку – светлые и тёмные полосы сменяют друг друга, вот и мне пришлось вернуться домой в рассыпающуюся семью и как-то вытерпеть остаток моего последнего супружеского лета. Следом быстро пронеслась осень моего четвёртого курса, и зимой наступившего 1991 года я написала первые иконы на продажу, взяв за образцы маленькие церковные календарики. Одновременно я увлеклась цветоведением и композицией, стала работать осознанно, программируя восприятие моих работ, экспериментируя с цветом, формой и движением, на ходу придумывая всякие спецэффекты, и это очень меня воодушевляло.

К сожалению, я не успела развиваться в этом направлении, слишком быстро оказалась в церковной среде, где изначально на любое творчество наложено строжайшее табу, а от тех работ не осталось даже эскизов. Я тогда ничего не фотографировала, работы делала как учебные и после просмотра быстро их продавала.

Попутно я чем только не занималась – училась лепить декоративные скульптуры, а потом отливать их из гипса и покрывать глазурью, я освоила несложные техники мозаики и росписи в интерьере.

Нас с Юркой зазвали переоформить атриум во Дворце пионеров, и чего мы там только не придумали, а потом сами осуществили! Несколько месяцев Юрка с однокурсником Валеркой в прямом смысле лезли на стенку – они расписывали волнистую стену примерно пятиметровой высоты и длиной метров десяти-двенадцати. С нами в команде работали мои однокурсники и наши Ольга с Андреем, но потом нас лихо кинули на деньги, заплатив лишь какой-то мизер в самом начале. Так для всех начались те самые лихие девяностые.

А в январе 1991 года, сдав сессию, наш курс вышел на диплом, который дался мне ой как нелегко! Наш руководитель дипломной работы, молодой преподаватель, в котором мы души не чаяли все годы учёбы, вдруг увлёкся радикальными восточными практиками.

Сначала он перестал есть животную пищу, но её в те годы и так сложно было купить, а потом в процессе дальнейшего просветления этот милый человек вышел на сорокадневное голодание – вот тогда наша группа до конца осознала, что такое энергетический вампиризм, хотя мне такого опыта сполна хватало в супружеских отношениях. Пару лет спустя я узнаю и оценку церковную пословицу, что лучше в пост есть мясо, чем людей, она как раз про это.

Не буду описывать все дикие моменты общения с когда-то дружелюбным преподавателем, он был ещё и нашей «классной дамой», соседом по мастерским и близким другом моих друзей. Вместе с ним мы неоднократно ездили в Питер и в Москву на выставки, и я много чем ему обязана в учёбе, но в итоге он нас буквально топил на защите дипломов, вместо того, чтобы встать горой, как положено руководителю.

Мне почему-то досталось больше всех, члены комиссии вдребезги переругались прямо в зале, наши импульсивные препода минут пятнадцать орали друг на друга, и я получила три балла за работу, которую тут же стали таскать по многим выставкам и потом, говорят, втихаря продали, она исчезла из методического фонда училища при невыясненных обстоятельствах. А я получила свой диплом и поехала домой разводиться с мужем.

Все разводы, о которых я знаю, мероприятия, мягко говоря, очень неприятные, наш не исключение, хотя у меня была надежда на его быстрый и цивилизованный исход, но увы...

Мой почти уже не муж заявился в зал суда с огромным букетом розовых пионов, и, когда ему дали слово, он, роняя цветы к моим ногам, со слезами в голосе умолял его простить, признавал все свои ошибки, обещал исправиться, стать примерным мужем и отцом, и жить вместе со мной до глубокой старости, пока смерть не разлучит нас!

Внешне очень похожий на кумира эпохи Пола Маккартни, только почти двухметрового роста, он не зря много лет играл в народном театре – судейские тётки чуть не разрыдались от умиления, ещё бы, такая Сам-ты-Барбара живьём, а не по телевизору, и от щедрой души они присудили нам ещё шесть месяцев для примирения!

Я буквально кипела в бессильной ярости от этого театрального фарса, а мой пока ещё муж тут же пошёл и напился «с горя».

* * *

Потом, когда меня спрашивали, почему я развелась с мужем, я просто читала его стихи, посвящённые мне:

*С годами я стал мудрее и строже,
Обил я диван человеческой кожей,
Из черепа мною убитой любимой
Я сделал светильник, огонь негасимый
Зажжёт в нём навечно, и в этом огне
Любимая часто является мне.*

Поэт! В жизни всё куда как прозаичнее – люди такого склада невыносимы в быту, и в доме никогда не будет чистоты, как ни старайся, и в отношениях тоже. Все подружки жаловались мне на его домогательства прямо у меня за спиной, а я всё винила себя и думала, что мало уделяю ему внимания. Он бедный, наверное, страдает оттого, что я после работы занимаюсь уборкой, кухней и ребёнком, поэтому пьёт.

Впрочем, кроме несомненного литературного дарования, у моего бывшего супруга имелось множество других талантов и достоинств, он ими воспользовался и быстро поднялся в девяностые годы. После нашего развода он вскоре женился во второй раз, один за другим родились дети, но, к сожалению, алкоголь разрушил и этот брак, там тоже всё сложилось жёстко.

С его второй женой Ларисой мы до сих пор дружим, наши дети очень похожи и выросли родными. Я очень благодарна ей за мудрость, которую она проявила в свои девятнадцать-двадцать лет, когда настояла, чтобы Алькин отец оставался отцом и давал для дочери нормальные деньги, а не двадцать пять процентов от липовой зарплаты предпринимателя.

В последующие годы мы часто ездили в гости друг к другу, чтобы дети общались, Алька подолгу жила у них на каникулах, и они вместе со всеми детьми ездили на море. Я счастлива, что у моей дочери есть брат и сестра, раз уж у меня не сложилось!

* * *

А ещё я признаюсь, что зимой в начале 1991 года меня всецело захватил пылкий и мистический роман, и в этих отношениях мне наконец-то удалось найти всё то, чего мучительно не хватало в браке. Я млела от трогательного ухаживания, внимания, действенной заботы, и ещё я узнала, как приятно общаться с непьющим и некурящим мужчиной! И что в творчестве вполне можно обходиться без пьянства, хотя кто же отрицает хорошее вино, но, оказывается, можно знать меру. Всё у нас обставлялось очень красиво, как и положено двум художникам.

Этот адюльтер случился отнюдь не в первый раз. Сначала я мстила мужу за оскорбления, потом хотела, чтобы количество перешло в качество, а потом два года жизни в мастерской я скорее дружила с одним милым мальчиком.

И вдруг появился он, такой прекрасный и благородный, и мне казалось – вот оно, воплощённое совершенство! Я уже упомянула, что мистика сполна присутствовала в этих отношениях, и романтика тоже, и магия чисел, и множество удивительных совпадений поражало воображение!

Чего стоил тот факт, что у моего нового избранника и у моего бывшего мужа, и у моего предыдущего молодого человека – у всех троих были одинаковые имена и отчества, вот даже во сне не перепутаешь! И то же самое отцовское имя продолжает преследовать мою дочь и в браке, и после него! Это называется «карма».

Эй, вы там на небесах, есть ещё варианты? Огласите нам весь список, пожалуйста!

Из-за этого совпадения имён и отчеств я чувствовала дикую неловкость, про себя и за глаза называя всех троих по фамилиям, так проще, и нет наложений персональных контекстов. А поскольку здесь я обещала называть только имена, то муж пусть так и зовётся мужем, второй мальчиком, а третий... третий пусть будет эстет, это его главное свойство.

Но в начале нашего романа я особенно млела от его утончённого эстетизма, и ради него была готова на многое. Я даже забросила свой хипповский прикид, фенечки, драные джинсы и с удовольствием играла в даму, подбирала себе комплекты одежды и обуви, пока не понимая, какой теперь год на дворе.

Короче, я была полна романтических надежд, планов и переживаний, и мне совершенно не хотелось ещё полгода ждать развода с мужем.

Однако целый ворох обстоятельств и событий – неудавшийся путч ГКЧП, Алькин первый класс, поиски работы и заказов, моё пошатнувшееся здоровье – всё это подолгу удерживало меня дома теперь уже в маминой квартире.

Там я выросла и туда перебралась с Алькой после развода и раздела имущества, который заключался в том, что в несколько приёмов я перенесла свою одежду в чемодане и мои собственные книги, детские вещи и игрушки, а потом на тележке мы с мамой укатали ножную швейную машинку. Всё!

Но пока развод фактически не состоялся, то я не могла почувствовать желанное освобождение, нервное напряжение никак не проходило, и первая осень после училища показалась мне суетливой и никак не свободной. Я моталась между двумя городами, пытаюсь определиться, чем себя занять, чтобы за это платили.

В нашей мастерской на улице Герцена всё изменилось, там стало тихо, спокойно, и мы с моим дорогим эстетом жили и работали вместе, когда у меня получалось вырваться из дома хоть на неделю. И к нам снова прибился Юрка, он был давним другом и однокурсником моего нынешнего избранника, мы все давно друг друга знали. Ещё летом Юрку в его духовных исканиях, после йоги, хиромантии, астрологии и экстрасенсорики, закономерно занесло в Православие, он стал молиться, поститься и соблюдать всё, что там положено.

Олька и Ирка тоже разбрелись в новые отношения, и лишь иногда забегали в гости. В мастерской у нас теперь всегда царила чистота, мы навели красоту и порядок, насколько это возможно в таком старом доме. Орды гостей схлынули навсегда, и я была этому рада.

Помню, как я приехала в октябре, а комната побелена, в ней светло, свежо, и на полу вместо старого бабушкиного половика лежит толстый слой жёлтых и красных листьев, как в лесу! Больше месяца мы ходили и шуршали, как ёжики, и потом уже в декабре вывели те листья на снег. А над диваном появилось новое сооружение, подобное балдахину – навес из бамбуковых палок для сушки срезанного камыша, мы собирались плести из него всякое-разное, но руки так и не дошли. Я сильно заболела, уехала домой и сдалась врачам.

* * *

Но прежде, чем лечь в больницу, я вняла Юркиным уговорам, и буквально согнутая пополам, еле доплелась до Никольской церкви в ста метрах от мастерской. Никогда не забуду то тёмное раннее утро конца декабря: до Нового 1992 года оставалось чуть больше недели, меня мучили боли в желудке, я уже давно почти ничего не могла есть, и сейчас думала только о том, как бы мне выжить натошак целых два часа до причастия. Юрка всё объяснил, что надо сделать в церкви, я вошла в ароматную полутьму и встала в очередь у малого алтаря на свою первую исповедь.

Сложно описать мои переживания во время той исповеди у моего будущего духовника отца Георгия, я до сих пор помню её почти словом слово, а когда всё закончилась, то с пылающими от стыда щеками, с гудящей от ужаса головой, вся в смятении и с дикой болью в животе, я еле-еле дождалась причастия, как во сне причастилась, ничего ещё не понимая, на ватных ногах дошла до запивки, глотнула тёплой сладкой жидкости и рухнула рядом на лавку у выхода, согнувшись пополам.

Отец Георгий сам подошёл ко мне и подал стакан святой воды, я выпила, мне стало легче, он сел рядом и ещё долго объяснял, как неправильно я жила, каким чудом уцелела, и так сильно сейчас страдаю, потому что Господь не хочет, чтобы я погибла, и через болезнь призывает меня к покаянию.

И оно меня проняло, знаете ли, зашло куда надо! Отец Георгий обладал особым даром убеждения и несомненным талантом проповедника, хоть и стал священником всего три дня назад здесь же в Никольском храме в праздник святителя Николая. Это тоже была его первая исповедь.

И в тот же день отец Георгий невольно стал моим духовником, у него просто не было выбора, а у меня началась совсем другая жизнь. Он содрогнулся, увидев блики адского пламени в моих глазах, и протянул мне руку в ту ужасающую бездну гибели, за краешек которой я каким-то чудом зацепилась. Он объяснил, почему так страдает моё грешное тело, и кинулся спасать мою бессмертную душу, изо всех сил выполняя свой долг.

Он вызвал доверие ещё и тем, что оказался внешне очень похож на людей моего круга – худой, в тёмных очках, с хвостом отрастающих каштановых волос, бородатый, как все творческие личности вокруг, хоть и бывший юрист, и старше на десять лет, как некоторые другие значимые для меня люди. Отец Георгий сразу встал с ними вровень, а потом быстро заслонил собой их всех. И всё.

Я взяла у него благословение лечиться, купила тоненький молитвослов, как-то доехала до дома, разыскала спрятанный алюминиевый крестик на верёвочке, надела его, и на следующий же день легла в больницу, где и состоялось моё боевое христианское крещение.

* * *

Дальше я расскажу, как и почему крестилась пять лет назад, но сначала про мученичество, которое наступило сразу же, когда на обследовании меня заставили проглотить зонд. Мои предыдущие боли можно назвать цветочками, а тут настали ягодки!

Я сидела на стуле, выпучив глаза, задыхаясь, обливаясь слезами, соплями и закусив пластмассовые удила. Я даже мычать не могла, лишь мысленно вопила: «Господи, помилуй!», так меня научил отец Георгий, и я вкладывала всю себя в эту молитву, кроме неё в тот момент мне не за что было держаться.

Через мою глотку прокручивалась адская резиновая змеюка, болезненно жалящая всё, на что натыкалась во мне её металлическая головка, а врачи толпой сбежались смотреть в мою утробу, охать и возмущаться, до какого состояния я себя довела.

– Там кровавое месиво, язва на язве, классический деревенский синдром!

– Только из самых глухих деревень привозят вот таких запущенных!

– Только русская баба может такое терпеть, ещё чуть-чуть и прободная! Тебе что, жить надоело?!!!

«Русская баба» в тот момент представляла из себя тощее и бледное создание, как говорится, краше в гроб кладут. Врачи ещё долго крутили меня и вертели, потом вернули в палату, засунули под капельницу, укололи обезболивающее и снотворное, и я с облегчением уплыла из этой реальности.

На этом, видимо, завершается первый виток спирали моей истории. Перехожу на второй.

Боевое крещение

Можно сказать, что с конца декабря 1991 года и началась моя православная жизнь. Первая исповедь, первое причастие и проповедь отца Георгия стали отправной точкой, а дальше меня со страшной скоростью понесло вперёд. Причём мне пришлось не просто наблюдать стремительно развивающиеся события, а мгновенно реагировать и деятельно участвовать во всём происходящем, пылко исповедуя свою новую веру.

Свекровь потом неоднократно цитировала моё высказывание, мол, за пару лет до воцерковления я призналась ей, что боюсь даже заходить в церковь, потому что никогда и ничего не умею делать чуть-чуть.

И это ещё один мой диагноз – уж если влипать во что-то, так по уши и со всей дури!

Надо признаться, что вся моя семья в нескольких поколениях была насквозь атеистической, ещё мой прадед провозглашал себя воинствующим атеистом, и моя бабушка от него получила соответствующее воспитание, и все её дети, и мы, внуки, тоже. Моя мама и мой муж каждый на своей работе возглавляли атеистические комитеты.

Весной 1986 года мой муж отправился на Пасху в церковь, чтобы ловить комсомольцев по заданию парткома. Я за ним увязалась и так впервые оказалась на богослужении, а застуканных в храме комсомольцев, кроме фельетона в заводской газете, потом ожидали и другие крупные неприятности.

Незадолго до этого мой муж с огромным трудом вступил в КПСС, других партий, естественно, в те времена ещё не водилось. Он тогда работал на заводе редактором газеты, и для него было большим ударом узнать, что я с двухлетней Алькой в июне того же 1986 года тайно крестилась в другом городе, но призналась ему в этом только год спустя. Священник, который нас крестил, действительно сохранил всё в тайне, хотя в его обязанности входило предоставлять властям списки всех, кто принимал у него таинства.

Целый год потом я нервно ждала, замирая от липкого холода – ой, что я натворила! – не в силах поверить, что никаких последствий нет. Но мужу на работу так и не сообщили, иначе бы случился крупный скандал, вплоть до его увольнения и исключения из партии, а уж из очереди на квартиру нас вычеркнули бы первым делом!

Такие нравы тогда царили в обществе. Кто бы мог подумать, что через тридцать лет всё изменится с точностью до наоборот!

* * *

Коротко объясню, почему я так рисковала.

По тогдашним законам женщины выходили на работу из декретного отпуска, когда ребёнку исполнялось полтора года, и все родители хлопотали чуть не за год вперёд, чтобы к этому моменту нашлось место в яслях.

Я заранее учила годовалую Альку самостоятельно есть ложкой и проситься на горшок, памперсы появятся в продаже, когда она уже вырастет. Представить себе, что можно самой остаться дома, заниматься ребёнком, и пусть муж зарабатывает деньги – мне такое и в голову не приходило. А если бы и пришла столь крамольная мысль, то меня тогда никто бы не понял. Мои родные и все вокруг твердили священную советскую мантру «НЕЛЬЗЯ ДОПУСТИТЬ, ЧТОБЫ ПРЕРВАЛСЯ ТРУДОВОЙ СТАЖ»!

Во имя этого дурацкого стажа я и отдала ребёнка в ясли, а сама вышла на работу. До чего довело это требование совершенно здоровую Альку и меня, рассказывать долго, и до сих пор при одном воспоминании о порочном круге тупого казённого идиотизма мне хочется рыдать и материться! Родина, мать-мать-мать!.. Ненавижу!

В итоге мы получили полгода мытарств по больницам, где по советским правилам полугодовалый ребёнок с температурой под сорок и выше должен лежать один вместе с другими детьми! Для матерей просто не предусмотрено кроватей в палате на восемь детей, и я неделями спала рядом с пылающей от жара Алькой под её кроваткой на полу даже без матраса. Ну не положено же!

Иногда меня подменяла мама, но она работала и могла помочь мне только по выходным, тогда я бегала домой искупаться – в современной больнице крупного города ни матери, ни ребёнку мыться не полагалось.

А главврач нашей детской поликлиники не могла законно продлевать мне больничный, потому что я и так сижу на шее у государства по две недели каждый месяц, не считая стационара, и неважно, что ребёнок ещё болен. И через полгода лечения Алька выглядела, как дитя Бухенвальда на военной хронике – ручки и ножки, как палочки, коленки и локти, как узелочки, живот кажется огромным, кожа прозрачная, видны все вены и рёбра наперечёт. Когда я её переодевала, то соседки по палате крестились и плакали. И вот настал такой момент, когда я поняла, что всё, я её теряю.

Но надо же что-то делать, нельзя вот так сидеть и смотреть, как твой ребёнок умирает!

Я металась по коридору мимо дверей операционной, где Алька лежала под общим наркозом на хирургическом столе, и тогда в моём воспалённом сознании в потоке страшных картинок вдруг мелькнула икона Богородицы, я ухватила за эту мысль и дала отчаянную клятву себе и куда-то вверх, что если моя дочь сейчас выживет, то мы с ней обе покрестимся, чего бы это мне ни стоило!

Самое интересное, что с того момента Алька действительно пошла на поправку, хоть полностью вернуть здоровье ей так и не удалось, теперь это сверхзадача на всю оставшуюся жизнь.

Когда прошло примерно два месяца, и мы немного восстановились, то настало время выполнить клятву. Я организовала поездку в другой город, где нас никто не знал, и мы с Алькой тайно крестились у пожилого священника, имени которого я не помню, и сам обряд не помню, потому что ни слов, ни смысла происходящего я тогда не понимала.

Наши крестики я надёжно спрятала так, чтобы никто не нашёл, и молчала об этом целый год, терзаясь от страха, что моя тайна всплывёт у мужа на работе, а потом, не выдержав, призналась ему и стойко вытерпела шквал упрёков.

Но меня грело чувство, что я смогла выполнить свою часть «договора» с Небом.

* * *

И вот снова больница, и снова тревоги, только теперь уже за собственную жизнь.

Про мученичество, которое мне пришлось претерпеть во время больничного обследования, я уже рассказала, но вслед за ним наступило время исповедничества моей только что народившейся веры. Отец Георгий предупреждал об этом, мол, Господь простил мне многие грехи, но теперь будет испытывать мою решимость жить по его заповедям.

А мой лечащий врач, и он же заведующий гастрологическим отделением, оказался человеком, ищущим новых путей в медицине, он сам в этом признался в нашей первой беседе, но мне тогда было так плохо, что его слова до меня попросту не дошли. Увы, я поняла, что он имел в виду, уже через несколько дней, и у нас с ним начался многодневный духовный поединок, не побоюсь этого слова!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.